

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 81-22

DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-1-5-12

АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МЕТАФОРЫ ВОЙНЫ И ВОЙНА МЕТАФОР

US POLITICAL DISCOURSE: METAPHORS OF WAR AND WAR OF METAPHORS

А.М. Амагов, Е.В. Бондаренко, Е.В. Пупынина
A.M. Amatov, E.V. Bondarenko, E.V. Pupyнина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: amatov@bsu.edu.ru

Аннотация

В современной политической коммуникации одной из главных задач является формирование определенного имиджа политика, политической партии, государства. Этот имидж может быть как положительным, привлекательным для общества, что является ключевым средством воздействия на массовое сознание и способствует продвижению своих целей, так и отрицательным, что нередко используется политическим деятелем с целью дискредитации оппонента в условиях жесткой конкуренции и политической борьбы. Основная, информативная функция средств массовой коммуникации в современном информационном обществе меняет характер своего воздействия, трансформируясь в функцию манипулятивную. В качестве одного из инструментов манипулятивного воздействия на аудиторию выступает метафора. Активное употребление метафор в политическом дискурсе обусловлено их способностью влиять практически на каждый из этапов решения проблем в политической сфере: осмысление проблемной ситуации, поиск вариантов ее разрешения, оценку альтернатив, выбор варианта. Одним из видов политической метафоры, занимающих центральное место в современном политическом дискурсе Соединенных Штатов Америки, является военная (милитарная) метафора. В статье рассматриваются особенности функционирования военных метафор в современном политическом дискурсе, раскрывается их роль в реализации глобальной коммуникативной стратегии «Мы и Они» и вытекающие из нее тактические ходы.

Abstract

One of the main tasks of political communication is to create and promote the image of a politician. The process is aimed at creating both a positive image that is attractive to society, which is a key factor of influencing mass consciousness and pursuing their goals, as well as the negative one used by a politician to discredit their opponents in a tough competition of modern policies. In the modern information society, the main function of the mass media – Informative – changes its nature and is transformed into a manipulative function. One of the tools of manipulating the audience is a metaphor. The active use of metaphors in political discourse is due to its ability to influence each of the stages of solving problems in the political sphere: understanding the problem situation, finding options for solving it, evaluating alternatives, and choosing options. One of the types of political metaphor that occupies a central place in

the current political discourse of the US is military metaphor. The paper deals with military metaphors functioning in political discourse. Their role in the global communicative strategy, "Them and Us" is revealed, along with the ensuing tactics.

Ключевые слова: политический дискурс, военная метафора, поляризация, коммуникативная стратегия.

Key words: political discourse, military metaphor, polarization, communicative strategy.

Введение

«Война есть продолжение политики другими средствами», – утверждал известный немецкий военный теоретик Карл фон Клаузевиц еще в XIX веке. Сегодня с полным основанием можно утверждать, что данное высказывание немецкого генерала справедливо не только с политической или собственно военной, но и с лингвистической точки зрения. В своих выступлениях политики делают выпады и парируют удары, наступают и отступают, атакуют и обороняются, окапываются и идут на штурм, перегруппируют силы и ведут артиллерийские подготовки. Арсенал метафорических вооружений также впечатляет – от покрытых почтенной ржавчиной мечей, топоров и кинжалов до артиллерии, авиации и военно-морского флота. В ходе последней президентской гонки в США кандидат от Республиканской партии (ныне президент) Дональд Трамп называл себя «верным рыцарем Америки» ("America's most devout champion") и клялся бороться за ее интересы, не щадя живота своего. В ответ кандидат от Демократической партии Хилари Клинтон просила бога уберечь Америку от таких «верных рыцарей» и сравнила Трампа с «пушкой, которую сорвало с лафета» ("A cannon that breaks loose from its moorings"). Одним словом, политики на словах ведут себя именно так, как действуют военные в боевой обстановке: воюют, но только другими средствами – языковыми.

Разумеется, широкое употребление военной метафоры характерно не только для политического дискурса США: воинственность на словах проявляют и политики других стран. Однако США, играющие роль неоспоримого лидера в мировой политике последних десятилетий, безусловно, задают тон и в мировом политическом дискурсе, вводя или отменяя те или иные правила игры, устанавливая, в том числе, и способы вербального поведения политиков.

Примечательно, что при таком разнообразии средств убийства и разрушения, а также способов их применения, политический дискурс довольно скуп на метафоры с обратным значением – созидания. Из более 500 случаев метафорического слово- и фразоупотребления, рассмотренных в связи с данной темой в американском политическом дискурсе, буквально единицы связаны со строительством. Причем если политики что-то метафорически строят, то это, как правило, отношения – те самые, которые они перед этим разрушили самым brutальным способом. То есть не только само количество, но и набор метафор созидательного значения в политических речах, обращенных к многомиллионным (если не миллиардным) аудиториям, крайне скуден.

Эти и некоторые другие обстоятельства побудили нас к рассмотрению тактик употребления военной метафоры в современном политическом дискурсе США, а также той глобальной стратегии, которой эти тактики подчинены. Теоретической опорой настоящего исследования послужили работы в области концептуальной метафоры М. Осборна [Osborn, 1967], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980], А. Муслоффа [Musolff, 2000, 2004], Д. Ричи [Ritchie, 2003, 2004].

Что же касается коммуникативных тактик и стратегий, в рамках которых эти метафоры применяются, то данная статья в основном следует в русле критического дискурс-анализа, разрабатываемого в работах Т. Ферклоу и, особенно, Т. ван Дейка. Как отмечает сам Т. ван Дейк, среди сторонников этого подхода «не может быть исследователей, имеющих отстраненное или равнодушное отношение к изучаемому вопросу» [van Dijk, 1993, p. 253].

Основная часть

Прежде чем перейти к анализу самой модели, рассмотрим массив языковых (лексических) средств, подвергающихся метафоризации в ходе реализации коммуникативных тактик в политическом дискурсе США. Сразу подчеркнем, что рассмотрению подлежат только случаи метафорического употребления военной лексики в политических выступлениях: случаи прямой номинации военных действий, вооруженных сил, вооружений и т.д., хотя они и распространены в политическом дискурсе, тем не менее, остались за рамками данной статьи.

Необходимо также отметить, что лексические единицы широкой семантики – например, глаголы *fight* (сражаться, драться, бороться), *win* (победить, выиграть), *lose* (проиграть, потерпеть поражение), а также аналогичные существительные и прилагательные – сами по себе вовсе не обязательно могут считаться именно военной метафорой. Например, многие подобные термины давно «перекочевали» и прочно закрепились в спорте и в других видах деятельности (спортивная метафора, кстати говоря, тоже очень распространена в политическом дискурсе США, но в данной работе речь не о ней). Однако широкий контекст и, главное, сочетания разной степени устойчивости (как фразеологические, так и свободные), тем не менее, обычно позволяют определить, военная метафора перед нами или нет. В частности, такие выражения, как *fight a war* (вести войну), *win a battle* (выиграть битву), *line of defence* (линия обороны), *firing line/line of fire* (линия огня) при их метафорическом употреблении, безусловно, следует отнести к военной метафоре.

Итак, из рассмотренных примеров общим числом 556 чуть менее половины всех метафор составляют глаголы или устойчивые выражения, в которых глагол является ведущим компонентом (266 или 48 %). Немногим более трети всех рассмотренных нами примеров военной метафоры в политическом дискурсе составляют существительные либо устойчивые фразы с главным компонентом – существительным (195 или 35 %). Оставшиеся 95 примеров метафорического употребления военной лексики приходятся на прилагательные (17 %).

Такой «перекосяк» в сторону глаголов представляется нам не случайным и связанным с глобальной семантической стратегией противопоставления своих и чужих – «Мы и Они». Одна из лучших характеристик человека (политической группы, страны и т.д.) – это описание именно их действий, предпринимаемых (или не предпринимаемых) в тех или иных условиях. Древний принцип гласит: «Суди не по словам, а по делам». Разумеется, в политике грань между словом и делом провести бывает непросто хотя бы в силу того, что подавляющее большинство действий политиков как раз заключается в словах. Тем не менее, акцентуация с помощью метафоры именно действий вполне укладывается в рамки тактик положительной самопрезентации (лично себя, своей партии, своей страны) и отрицательной презентации оппонента (оппозиционного политика, его партии, другой страны и т.д.). Это обстоятельство как минимум косвенно подтверждается и тем, что значительная часть рассмотренных нами в работе существительных также связаны с обозначением действий: *attack* (атака), *onslaught* (нападение), *defence* (оборона), *retreat* (отступление) и т.д.

Характеристика человека (в нашем случае, как правило, оппонента или союзника) через метафорическое описание его действий широко используется в различных видах дискурса достаточно давно. В частности, известный писатель-сатирик Карел Чапек еще в начале прошлого века в числе «двенадцати приемов литературной полемики» отмечал и такой: *«Прием второй, или Tertini (терминология – лат.). Этот прием заключается в использовании специальных полемических оборотов. Если вы, например, напишете, что господин Икс, по вашему мнению, в чем-то неправ, то господин Икс ответит, что вы «вероломно обрушились на него». Если вы считаете, что, к сожалению, в чем-то не хватает логики, то ваш противник напишет, что вы «рыдаете» над этим или «проливаете слезы». Аналогично этому говорят «брызжет слюной» вместо «протестует», «клеветает»*

цет», вместо «отмечает», «обливает грязью» вместо «критикует», и так далее. Будь вы даже человек на редкость тихий и безобидный, словно ягненок, с помощью подобных выражений вы будете наглядно обрисованы как субъект раздражительный, сумасбродный, безответственный и отчасти ненормальный. Это, кстати, само собой объяснит, почему ваш уважаемый противник обрушивается на вас с такой горячностью: он просто защищается от ваших вероломных нападков, ругани и брани». [Чапек, 1958, с. 19].

К. Чапек, хотя и в шуточной форме, очень точно подмечает важную особенность полемического дискурса, который является частью дискурса политического, а именно – метафорическую акцентуацию какой-либо черты оппонента, какого-либо его действия. Применяя этот прием, политик (впрочем, не только политик), не меняя основного содержания высказывания (его денотата), при помощи метафоры может включать у аудитории целый «букет» самых различных ассоциаций, импликаций или имплицатур (в зависимости от степени вовлеченности аудитории в коммуникативную ситуацию) с целью манипуляции мнениями. Согласимся: одно дело – сказать, к примеру, что «меня критикуют», и совсем другое дело – сказать, что «на меня нападают» или, еще лучше, «меня избрали целью для атаки». Рассмотрим в этой связи один небольшой пример из интервью с Дженнифер Псаки, на тот момент – официального представителя Государственного департамента США: *"I am just one of many American officials – especially women, I will say – targeted by the Russian propaganda machine"*.

Обычно цель подобных метафор – представление своих оппонентов агрессорами, а себя, соответственно, жертвой агрессии. Подобная поляризация, естественно, направлена на то, чтобы вызвать у аудитории сочувствие к себе (и своей политике) и осуждение оппонентов. Глагол to target (нацеливаться, избирать целью) подразумевает обдуманность и целенаправленность действия, что еще сильнее отягчает вину нападающих. Употребление другой военной метафоры в том же контексте, например, "I am attacked" (меня атакуют/на меня нападают), дало бы меньший эффект – нападение может быть спонтанным, незапланированным или даже спровоцированным. Немаловажно и то обстоятельство, что в том же самом предложении Дж. Псаки подчеркивает, что она женщина: нападение, спланированное и хладнокровно обдуманное, да еще и на женщину, почти неизбежно вызывает у аудитории резко негативное отношение к нападающему и сочувственное – к жертве. Наконец, в этом же высказывании Дж. Псаки демонстрирует и вторую часть глобальной стратегии «Мы и Они», а именно – прочно увязывает себя с другими американскими политиками, прежде всего женщинами, утверждая (надо сказать, без каких-либо оснований), что она – всего лишь одна из множества подобного рода жертв. То есть «российская пропагандистская машина» целенаправленно и систематически обижает не только ее одну, но и многих других американских политиков, причем женщин – в особенности.

Попутно, в связи с приведенным примером, отметим тот факт, что само английское существительное target (мишень, цель) и производный от него глагол to target (нацеливаться, избирать мишенью) и в своем основном значении представляют собой не что иное, как военную метафору. Английское target восходит к старофранцузскому существительному targe и уменьшительному targette, обозначавшему маленький круглый щит, который, помимо своего основного назначения, использовался также в качестве мишени для стрельбы из лука.

Второй причиной преобладания глагольной лексики в военных метафорах, на наш взгляд, является сам характер войны, которая является, по сути, совокупностью тех или иных **боевых действий**. Соответственно метафоризации в большей степени подвергается именно та военная лексика, которая отражает динамизм, напряженность войны. Военные метафоры, являясь конфликтными, отражают характерные черты политики как вида общественной практики, а в моменты кризиса помогают создать образ внешнего врага и консолидировать население для борьбы с ним. По мнению В.З. Демьянкова [Демьянков, 2002, с. 130], для того, чтобы быть эффективным, политический дискурс должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий. Выступающие

обычно предполагают, что адресат знает, к какому лагерю относится, какую роль играет и в чем эта роль состоит. Как и действия на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника – вооружения (т.е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента). Поэтому присутствие данной модели в американском политическом дискурсе не является чем-то необычным. Доминирование данной модели является подтверждением мнения А.Н. Баранова о наличии в дискурсе конфликтных метафор как особенности кризисного мышления [Баранов, 2004].

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и собственно языковые факторы, а именно то, что в английском языке ядром предложения выступает глагол-сказуемое. Именно эта часть предложения является наиболее «ожидаемой» и притягивает максимум внимания. По этой причине, например, специалисты по письму на английском языке рекомендуют не отрывать глагол от подлежащего и в случае необходимости перефразировать предложение так, чтобы глагол был «на видном месте» [Wallwork, 2011, p. 24–25].

Необходимо также отметить, что в политическом дискурсе можно выделить как минимум две его разновидности, которые существенно отличаются друг от друга: идеологическую и управленческую. Различия между этими двумя видами политического дискурса очень существенны: это и разные участники, и разная степень открытости, и, как следствие, разные языковые средства, применяемые в каждом из этих видов. Причем существование этих двух параллельных видов политического дискурса даже особо не скрывается. Так, современный политический словарь в статье «Программа политическая» сообщает буквально следующее: «*Программа всегда содержит два ... момента: спекулятивно-идеологический и управленчески-технологический. Потребность в популярности политика выступает основой для программного популизма. Управленческий аспект выступает основой реалистичности программы*» [Словарь по политологии, 2010, с. 174].

Управленческий аспект политического дискурса, как правило, малодоступен для широкой публики, и данное обстоятельство существенно затрудняет его изучение – в том числе и в части использования в нем тех или иных языковых средств. Та же часть политического дискурса, которая предназначена для широкой общественности, всегда преследует одну цель: понравиться населению (что в словаре характеризуется как «программный популизм»). Это обстоятельство всегда необходимо держать в уме, изучая способы, приемы и языковые средства, которыми эта цель достигается.

В метафорической картине американских политиков действительность регулярно представляется как ведущаяся на различных фронтах война. К рассматриваемому фрейму относятся следующие номинации: *battle, fight, combat, struggle* и т.д. В зависимости от сферы деятельности, к которой апеллирует тот или иной политик в своей метафоре, в их дискурсе можно встретить различные виды «войн»: *war on terror, war on coal, battle for healthcare* и др.

“I was proud to help lead the fight in Congress that led to the most sweeping ethics reform since Watergate” (В. Обама). Данный пример взят из выступления Обамы в Спрингфилде от 10 февраля 2007 года, когда он выдвинул свою кандидатуру на пост президента США. О какой «войне» с гордостью говорит здесь тогда еще кандидат в президенты Барак Обама, утверждая, что он принял в ней деятельное участие в Конгрессе за несколько лет до выдвижения своей кандидатуры на пост президента? Очевидно, что данная «война» продолжала оставаться актуальной, – во всяком случае, для Обамы – коль скоро он счел нужным заострить на ней внимание в своем предвыборном выступлении. Речь здесь идет о лоббировании интересов тех или иных групп в правительстве, которое Обама называет «циничным» и с которым он боролся в Конгрессе, будучи сенатором от штата Иллинойс. Каков смысл военной метафоры в данном случае?

Дело в том, что война в принципе большинством людей воспринимается как дело серьезное, жестокое и чрезвычайно опасное. Поэтому политик, называя войной какое-либо противостояние, автоматически усиливает его серьезность и значимость в глазах аудитории. Далее: война требует быстрых и решительных действий. Поэтому, когда Оба-

ма говорит о том, что ведет «войну в Конгрессе», он тем самым позиционирует себя как ответственного и серьезного политика, способного предпринимать самые решительные действия в критической ситуации. Это уже является частью тактики положительной самопрезентации, которую обобщенно можно назвать «я – ответственный политик». Одновременно с этим аудитории подспудно внушается мысль о том, что если другие политики не «ведут войну», которую ведет Обама, то они недооценивают степень угрозы и вообще являются политиками безответственными. Или, по крайней мере, не такими ответственными, как Обама. То есть здесь имплицитно включается и вторая часть глобальной стратегии «Мы и Они» – негативная презентация оппонентов. Имплицитно – поскольку имен Обама не называет, однако для посвященных здесь есть совершенно прозрачный намек на главного конкурента Обамы на президентских выборах, сенатора от штата Аризона Джона Маккейна, голосовавшего против антилоббистского акта 2007 года.

Судя по тому, что это единственное место в выступлении, где Обама употребил слово «война» в метафорическом смысле (в других случаях он употребляет существительное *war* в прямой номинации, говоря о войне в Ираке, а слово *fight* не употребляет вообще), можно сделать вывод о том, какое большое значение в своей предвыборной кампании Обама придавал этим своим парламентским инициативам. А исходя из того, что именно в этой части выступления кандидат в президенты сорвал самые бурные аплодисменты аудитории (которая начала скандировать его фамилию), можно сделать вывод, что коммуникативная стратегия в целом (и умело примененная военная метафора как один из ее ходов) Бараку Обаме удалась в полной мере.

Вопрос же о том, удалось ли Обаме уже на посту президента справиться с «циничным лоббированием» (как и о том, где кончается обычное лоббирование и начинается циничное), можно считать скорее риторическим. То, что данный пассаж про «войну с лоббизмом» предназначен исключительно для обывателя и носит сугубо популистский характер, следует из периодически вспыхивающих лоббистских скандалов, сообщений, которые стабильно появляются и после прихода Барака Обамы в Белый дом. В один из таких скандалов (в октябре 2013 г. вокруг государственного сайта *Healthcare.gov*, субсидии на разработку которого были выделены частной фирме) была вовлечена даже супруга президента Мишель Обама. Это говорит о том, что «крестовый поход» Обамы против лоббистов если и не провалился, то как минимум дает серьезные сбои. Однако по прошествии нескольких лет об этом уже мало кто вспоминает, поэтому метафорическую «войну против лоббизма», провозглашенную кандидатом в президенты США Бараком Обамой в 2007 году, можно считать вполне удачным популистским ходом будущего президента.

Следующий пример метафоризации войны в политическом дискурсе принадлежит соратнику действующего президента и государственному секретарю Джону Керри: "*I agree with President Obama that there is nothing in this current **budget fight** that requires us to make bad decisions, that forces us to **retrench** or to **retreat**. This is a time to continue to **engage** for the sake of the safety and the economic health of our country*".

Из целого букета военных метафор (*fight, retrench, retreat, engage*), которые использует Джон Керри в этом коротком фрагменте своего выступления, особо остановимся на первом. Напомним: речь идет о голосовании по бюджету в 2013 году, когда стоял вопрос о повышении предела внешнего долга США. При этом демократы (включая Обаму и Керри) поддерживали идею повышения предела долга, тогда как республиканцы призывали «затянуть пояса» и не делать больше долгов. Учитывая длительность и напряженность дебатов по этому вопросу, в самой метафоре ничего необычного нет. Интересно, что Керри применяет эту метафору (а следом за ней и ряд других – окапываться, отступать, наступать) не столько для придания драматизма ситуации, сколько для реализации глобальной стратегии «Мы и Они». Называя дебаты по поводу бюджета «битвой» и используя затем цепочку соответствующих милитарных метафор, Керри подводит слушающих к мысли о том, что администрация президента и демократы вообще не только принимают правильные (даже единственно правильные) решения, но и ведут «честную войну». При этом им-

плицируется, что оппоненты демократов (республиканцы) в данном случае принимают неправильные решения, да и вообще «воюют» нечестно. Здесь также возможен ряд импликатур, в том числе к тому самому «циничному лоббированию», о котором говорил сам Обама шестью годами ранее.

Заключение

Подводя итог сказанному, мы можем констатировать, что политический дискурс как разновидность институционального дискурса имеет ряд системных признаков, которые в значительной степени определяют его природу, применяемые в нем стратегии и тактики, в частности, обуславливая его манипулятивный потенциал. Сам характер борьбы за власть (а именно борьба за власть является одной из ведущих целей политического дискурса) соответственно структурирует политический текст и проявляется через способ общения, избираемый говорящим набор стратегий и тактик. Использование методов критического дискурс-анализа позволяет проследить влияние ментальных установок говорящего на выбор применяемых им в политическом дискурсе языковых средств для достижения вполне определенных коммуникативных целей.

Метафорическая модель «война» востребована в современном политическом дискурсе и служит для концептуализации действительности. Входящие в ее состав ментальные модели актуализируются в различных риторических стратегиях и могут варьироваться под влиянием различных факторов дискурса.

Активное использование военной метафоры указывает на наличие жестокой конкуренции не только среди ведущих политических деятелей, но и в обществе в целом. Политическая система пронизана духом милитаризма и осмысливается терминами войны. И поскольку борьба за власть является основой самого политического дискурса, в нем априори заложена богатая основа для использования военной метафоры. Однако потенциал рассматриваемой модели к моделированию политической реальности в разной степени применяется в политическом дискурсе в зависимости от сферы метафорической экспансии.

Так, военная метафора является доминирующей в семантических оппозициях «Мы – Они», к созданию которой прибегают политики в рамках стратегии нападения и дискредитации оппонента. Военные метафоры являются ключевыми для экспликации ролей агрессора, варвара, злодея с одной стороны, а также лидера, защитника и бойца с другой стороны.

Моделируя острые политические, социальные, экономические и другого рода проблемы жизни государства и общества в терминах войны, политики так или иначе навязывают современному обществу конфликтный путь их решения.

Список литературы

References

1. Баранов А.Н. 2004. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя: предисловие редактора. В кн.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., Едиториал УРСС: 7–21.

Baranov A.N. 2004. *Cognitivnaia teoria metafori pochni 20 let spust'a* [Cognitive theory of metaphor almost 20 years later: editor's foreword]. In: G. Lakoff and M. Johnson. *Metaphors we live by*, Russian edition, Editorial, Moscow, 7-21. (in Russian)

2. Демьянков В.З. 2002. Политический дискурс как предмет политологической филологии. В кн.: Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., ИНИОН РАН, 3: 32-43.

Demiankov V.Z. 2002. *Politicheskii discours kak predmet politologicheskoi filologii* [Political discourse as a subject of political science philology]. V kn.: *Politicheskaiia nauka* [Political science]. М., ИНИОН РАН: 32-43 (in Russian).

3. Словарь по политологии. Под ред. проф. В.Н. Коновалова. 2001. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 285.

- Slovar' po politologii. Prof. V.N. Konovalov ed. 2001. Rostov-na-Donu, RSU, 285. (in Russian)
4. Чапек К. 1958. Собрание сочинений в 5-ти томах. М., ГИХЛ, т. 2, 720.
 - Chapek K. 1958. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, GIKL. Vol. 2, 720 (in Russian).
 5. Dijk T.A. van. 1993. Principles of Critical Discourse Analysis. In: *Discourse and Society*. Vol. 4, № 2, 249–283 (in English).
 6. Fairclough N.L. 1985. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis. In: *Journal of Pragmatics*, Vol. 9, 739-763 (in English).
 7. Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live by*. Chicago, The University of Chicago Press, 256 (in English).
 8. Musolff A. 2004. Metaphor and conceptual evolution. In: *Metaphorik.de*, № 7, 55-75 (in English).
 9. Musolff A. 2000. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. Munich: Iudicium, 214 (in English).
 10. Osborn M. 1967. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family. In *Quarterly Journal of Speech*, Vol. 53, 115-126 (in English).
 11. Ritchie D. 2003. “ARGUMENT IS WAR” – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors. In: *Metaphor and Symbol*, Vol. 18, № 2, 125-146 (in English).
 12. Ritchie D. 2004. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation. In: *Metaphor and Symbol*, Vol. 19, № 3, 233-244 (in English).
 13. Wallwork A. 2011. *English for Writing Research Papers*. NY, Springer, 2011. 325 (in English).

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Аматов А.М., Бондаренко Е.В., Пупынина Е.В. Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38, № 1. С. 5–12. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-5-12.

Amatov A.M., Bondarenko E.V., Pupynina E.V. US political discourse: metaphors of war and war of metaphors // *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*. 2019. V. 38, № 1. P. 5–12. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-5-12.